

Николай
Сперанский

ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСТВО

Санкт-Петербург

УДК 27
ББК 86.37
С 71

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрация на обложке Марии Волохонской

Сперанский Н.

С 71 **Ведьмы и ведовство / Николай Сперанский.** — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-389-32951-5

Призывание демонов, похищение младенцев, полеты на шабаш — веками народная фантазия рисовала страшные картины ведьмовских деяний. В XV веке был опубликован знаменитый «Молот ведьм» — подробное руководство, как вычислить ведьму и что с ней потом делать, и таких руководств было немало. Наиболее жестокие и кровавые процессы, в ходе которых было осуждено множество женщин, пришлись на XV–XVII столетия — Новое время, эпохи Возрождения и Просвещения. «Ведьмы и ведовство» (1906), книга великолепного историка-эрудита Николая Сперанского (1861–1921), раскрывает историю охоты на ведьм с новой стороны, связывая колдовство не с народными верованиями и заблуждениями, как это было принято до сих пор, а с передовыми научными идеями, подчеркивая не самую очевидную роль образования, власти и религии во многовековых судебных процессах.

«Ведьмы и ведовство» — блестящее, увлекательное исследование, не утратившее актуальности по сей день.

УДК 27
ББК 86.37

© А. С. Пахомова, статья, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32951-5

В тот век, который еще так недавно был для нас только прошлым, для всякого образованного европейца казалось не подлежащей спору истиной, что у рода людского нет более опасного, более лютого врага, нежели суеверие. Свободу души от суеверия XVIII столетие провозглашало необходимейшим залогом всякой другой свободы, современники Вольтера ставили ее главной приметой «просвещения», в непримиримой борьбе с суеверием они усматривали первый долг всякого «друга человечества» и ко всему, что напоминало об эпохе наиболее пышного цвета суеверных представлений, о Средних веках, они относились или с презрительной безгливостью, или со страстной ненавистью.

— Но «круговая теория» исторического движения недаром соблазняла столько наклонных к философскому созерцанию голов... «Суеверие — поэзия жизни», — со вздохом сказала устами Гёте поколение, явившееся на смену поборникам просветительной философии XVIII века; и эта легкая грусть, все разрас-

таясь и разрастаясь, к началу нашего молодого столетия среди самых передовых, самых утонченных кругов европейского общества перешла в горький плач по поводу утраты такого драгоценного источника красоты и полноты жизни. «Передовые из передовых» идут при этом и много дальше чисто эстетических воздыханий. Всякий, кто следит за модными направлениями в умственной жизни европейской интеллигенции, сам знает, конечно, какие гимны средневековому суеверию поют иные из новоявленных «малых пророков», пришедших в мир, чтобы освободить его от рабского служения «кумиру эпохи Просвещения — головному мозгу», и на какие отчаянные попытки пускаются они, стремясь вернуть в наше мирозерцание то, что так беспощадно было из него вычеркнуто торжеством рационализма.

Очень характерным образом при этой погоне за возвращением на землю чудес, без которых многим кажется на ней так скучно, особенно посчастливилось демонологии. Бесчисленные средневековые «Acta Sanctorum» и в наши дни мало в ком возбуждают интерес вне круга присяжных ученых, отыскивающих там культурно-исторический материал; но объемистые трактаты, где демонологи XV и XVI веков с мельчайшими подробностями изобразили гнусные деяния дьявола и верных его прислужниц, ведьм, в последние десятилетия все чаще и чаще стали переселяться из пыльных лавок антиквариетов на рабочие столы людей, гоняющихся за последним словом современности, и литераторы с громкими именами советуют сво-

им читателям на этих трудах освежать свою душу от «научной прозы», в них искать отправных точек для замены «плоского» рационалистического мирозерцания чем-нибудь более глубоким. Имена таких классиков демонологии, как Шпренгер, Боден или Дельрио, встречаются теперь не только в специальных сочинениях, но и на страницах покупаемых нарасхват повестей и романов, и кто открыто скажет, что не имеет достодолжного понятия о «черной мессе», тот в наши дни рискует для многих оказаться безнадежно отсталым человеком.

От всего этого, конечно, можно было бы и просто отвернуться, равнодушно пожав плечами. Вопреки славному Вико, жизнь человечества в действительности не идет по кругу, и все новейшие ее глубокие течения нисколько не обещают в обозримом будущем повторного торжества идей, дорогих сердцу современных поклонников средневекового духовного уклада. Притом же при ближайшем знакомстве эпохи, не ведавшие нашей скучной науки, очень теряют в своем поэтическом очаровании: давно уже замечено, что «анимистическое» мирозерцание кажется нам поэтичным лишь потому, что мы успели из него вырасти; для тех же, кто в нем жил, оно представляло худшую прозу, чем для нас представляет наша наука, и, наконец, раз наши глаза рассмотрят, что фантастическое видение, явившееся нам при лунном свете, на деле оказывается лишь белой простыней, то мы их можем щурить как угодно: они упорно свидетельствуют, что это не более как простыня. Если же иным из

пламенных адептов модной демонологии ценой геройских усилий и удастся иногда добиться, что демоны действительно к ним снова слетаются, то этих «магов» постигает общая участь всех, кто когда-нибудь связывался с нечистой силой; известно, что по странной непоследовательности демоны искони сами заботились об очищении земли от тех, кто призывал их имя, и в положенный срок уносили своих поклонников в преисподнюю, которая теперь сменяется или по крайней мере предваряется психиатрической больницей.

Но раз внимание широких кругов читающей публики снова привлечено к тем ведьмам, которыми бредило западноевропейское человечество не далее как два с половиной века тому назад, раз чудовищные истории, рассказанные на страницах «Молота ведьм», снова ей сообщаются и в прозаической, и в стихотворной форме, то можно вполне законно воспользоваться этим случаем для того, чтобы предложить ей познакомиться и с результатами новейших научных исследований по этому вопросу.

Спешу, однако, оговориться. Как ни ярко совмещает подобное знакомство умственную и нравственную физиономию современных любителей демонологической литературы, но вовсе не в этом заключается его серьезная, его истинная ценность. Тот мрачный эпизод культурной истории Европы, который так неразрывно связан со зловещими именами Шпренгера, Бодена и Дельрио, действительно гораздо менее известен вне тесных ученых сфер, чем он того заслужи-

вает по внутреннему своему значению. И любопытно заметить, что мы имеем здесь дело не с простой случайностью. Как ни парадоксально может это прозвучать, но если в общих изложениях хода культурного развития Европы почти никогда не оказывается места для рассказа об ужасных процессах ведьм, являющихся самым грязным, самым смрадным пятном на всей европейской цивилизации, то виновато в этом то самое обстоятельство, которое, с другой стороны, и придает им особенно глубокий научный интерес.

В самом деле, в какую эпоху своего существования европейское общество всего острее бредило дьяволом и ведьмами и всего больше трепетало перед этими заклятыми врагами христианского имени? Мне кажется, я не ошибусь, если предположу, что большинство образованных людей, не обладающих в истории профессиональными познаниями, почти не колеблясь ответит на такой вопрос: конечно, в Средние века. И между тем ответ этот далек от истины. С дьяволом Средние века, положим, были всегда знакомы очень близко. Но «гнусное сообщество ведьм» с их шабашами и черной мессой глубине Средних веков совсем еще не было известно. Оно открыто было только под самый их конец, на пороге Нового времени, и наиболее сведущие в деле люди, те самые монахи, которые в XV столетии впервые изобличили ведьм, сами свидетельствовали, что ранее христианский мир никогда не видывал подобных ужасов. Они вполне определенно утверждали, что ведьмы явились и размножились уже на их глазах, и в этой новой язве на «глубоко

состарившемся мире» они усматривали неложный признак близившегося пришествия антихриста.

Итак, самое дикое, самое нелепое из всех известных суеверий, наряду с которым этнографы находят возможным ставить разве лишь некоторые поверья негров Центральной Африки, заполонило воображение культурных европейских народов вовсе не в самое худшее их время. Умственно темные их поколения понятия не имели о том, что представляет собою истинное «ведовство». «Открытие» ведьм относится к эпохе, законно окрещенной — конечно, не за это — громким именем эпохи великих открытий. Первые костры, зажженные для кары «чертовых жен», бросили свой кровавый отблеск на небо, на котором занималась уже заря Возрождения, и классическим периодом организованных судебных убийств, именовавшихся «процессами ведьм», являются века, которые, вопреки мрачному пророчеству Шпренгера и других его собратьев, принесли «состарившемуся миру» не пришествие антихриста, а небывалый расцвет духовного творчества, — века, которые в истории совершенно законно характеризуются по таким их чертам, как гуманизм, как реформация, как зарождение естественных наук. И как не остановиться в недоумении перед такою антитезой. Когда солнце ходило еще кругом земли, земля была чиста от ведьм и старым женщинам предоставлялось спокойно умирать у себя в постели. Но среди дошедших до нас от Кеплера бумаг сохранилась его записка в суд, где он отстаивает свою старуху-мать от обвинения в ведовстве, причем

славный астроном ни единым словом не возражает против возможности подобных обвинений. Что думал он об этом в самом деле, мы этого не знаем. Но, как и всем его современникам, ему твердо было известно, что, попробуй он поставить защиту на такую почву, и ему самому пришлось бы отправляться вместе с матерью в застенки. «Кто говорит, что ведьм не существует, того нельзя не подозревать самого в принадлежности к их сообществу» — этим принципом руководствовались немецкие суды в ту пору, когда Кеплер открывал свои знаменитые законы движения светил.

Эта поразительная «несвоевременность» процессов ведьм — если можно так выразиться, — этот резкий диссонанс между ними и общим колоритом тех столетий, на которые падает мрачная их тень, и объясняет нам ближайшим образом, почему общеисторические труды о них почти не упоминают. Когда приходится рисовать широкие культурные картины, где главными фигурами являются такие лица, как Колумб и Васко да Гама, как Гуттенберг, как Леонардо да Винчи, Рафаэль и Микеланджело, как Эразм и Гуттен, как Лютер, Цвингли и Кальвин, как Коперник, Кеплер и Галилей, как Бэкон и Шекспир, то на их фоне, действительно, не сразу отыскивается место для передачи тех сцен дикого бреда, каким является борьба европейского общества с «прислужницами дьявола». А раньше, в те эпохи, с умственной жизнью которых процессы ведьм могли бы, по-видимому, свободно гармонировать, сама история не позволяет о них распространяться, ибо тогда она еще действи-

тельно ничего подобного не знала. Но эта же «несовременность» процессов ведьм, как я уже заметил, и придает им, с другой стороны, чрезвычайный интерес. Как же, в самом деле, разрешается такая аномалия, которая становится еще загадочнее, если мы примем во внимание, что и в XV–XVII веках процессы ведьм являлись принадлежностью лишь передовых стран христианского мира: задержанный в своем развитии восток Европы, Россия и Балканские государства, и в ту пору оставались свободны от этих ужасов. Что ж здесь такое перед нами? Какая-нибудь особенно прихотливая игра исторических случайностей? Или тут есть своя закономерность, раскрытие которой может показать, что наши обычные представления о ходе «прогресса цивилизации» носят чрезмерно упрощенный, прямолинейный, схематический характер, и в частности, что дело распространения народного образования в Европе далеко не всегда сопровождалось лишь благотворными последствиями для народа, что у него оказывается и своя черная изнанка?

В такой общей связи и будет проведен настоящий очерк¹. Но прежде чем приступить к анализу явле-

¹ Среди длинного ряда работ по нашему предмету, вышедших за последние 10–15 лет, особого внимания заслуживают: *Johannes J. Geschichte des deutschen Volkes. Achter Band* (1894); *Riezler S. Geschichte der Hexenprozesse in Bayern* (1896); *Baissac J. Les Grands Jours de la sorcellerie* (1900); *Hansen J. Zaubervahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter* (1900) и того же автора *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* (1901). На эти труды и опирается главным образом с фактической своей стороны предлагаемый очерк.

ния, я должен буду, в силу указанных уже мною условий¹, дать хотя бы сжатое описание самих процессов ведьм, я должен буду сделать хотя бы краткий пересказ «этой бесконечной драмы, исполненной сценами таких несказанных, невыразимых, безмерных мук, терзаний и отчаяния со стороны гонимых и такого суеверия, тупости и зверства со стороны гонителей, что с этим по жестокости ничто не может сравниться в летописях европейских наций».

Преследованием ведьм, смотря по времени и по стране, занимались различные органы судебной власти. В раннюю свою пору, в XV столетии, такого рода процессы велись почти исключительно пред космополитическими трибуналами римской инквизиции. В Италии и в Испании инквизиция сумела удерживать их за собой и до самого конца. Что касается прочих стран, то после реформации не только в протестантских, но и в оставшихся католическими государствах они почти везде перешли в руки светских судов, ведавших уголовными делами. Но разница эта в данном случае — что уже само по себе заслуживает внимания — не играет сколько-нибудь видной роли. Картины гонения на ведьм сразу нас поражают и необыкновенно дикой игрой фантазии, с которой здесь приходится встречаться, и необыкновенной своею монотонностью. Откуда бы ни шли относящиеся к ним

¹ Существующая на русском языке популярная описательная работа г. Канторовича «Средневековые процессы о ведьмах» давно уже не отвечает положению вопроса в западноевропейской научной литературе.

памятники, мы не находим на них почти никакой местной окраски. В церковных и в светских, в католических и в протестантских судах процессы ведьм протекали совершенно одинаковым порядком и приводили к одним и тем же результатам. Поэтому, чтобы составить себе вполне достаточное понятие об этом поразительном эпизоде из области отправления человеческого правосудия, довольно заглянуть в уголовную хронику любой из западноевропейских стран. Удобнее всего нам будет взять Германию, так как ее архивы дают тут и особенно богатый, и, главное, прекрасно разработанный материал. Итак, посмотрим, что представляли собой процессы ведьм в Германии в ту пору, когда они являлись обыденной принадлежностью немецкой жизни, т. е. в конце XVI и в начале XVII века.

Общий судебный строй Германии в указанный период, как это нам необходимо следует заметить, характеризуется следующими двумя существенными чертами. То было время, когда старый устный и гласный суд шеффенов, руководившийся в своих приговорах непосредственно народным правовым сознанием, был окончательно вытеснен новыми коронными судами, которые составлялись из ученых юристов, обязанных сообразоваться исключительно с формальным, писаным законодательством, и не терпели никакого участия «необразованного» общества в деле отправления правосудия. И с другой стороны, то было время, когда центральная правительственная власть, не полагаясь на компетентность местных судебных учреждений, особенно ревниво следила за каждым их

шагом, что выражалось в широком развитии так называемой «пересылки актов». В крупных процессах местные суды по первому требованию сторон, иногда же и помимо него, обязаны были пересылать все относящиеся к делу документы на заключение в высшую инстанцию, которой являлись особые правительственные «придворные» комиссии, чаще же всего юридические факультеты при университетах. Дела о ведьмах — наряду с делами о ересьях, об оскорблении Величества, о государственной измене, о разбоях на море и на больших дорогах и о фальшивомонетчиках — причислялись к разряду «особо важных», и потому подобная «пересылка актов» при них была почти что общим правилом. Указанные высшие инстанции с крайней заботливостью следили за процессами такого рода — факт, значение которого для нашего вопроса, я думаю, может считаться очевидным.

Чего же требовалось по закону, чтобы дело о «ведовстве» могло начаться? На этот счет первые юридические авторитеты той эпохи давали судьям такие наставления. В подобных случаях, говорили они, суд при оценке приносимой ему жалобы и собранных по ее поводу свидетельских показаний отнюдь не должен искать вполне убедительных доказательств вины оговоренного лица: с него должно быть довольно, если представленные ему факты не лишены правдоподобия. *Conjecturae, verisimilitudines in tali casu vim plenae probationis obtinent*¹. А где проходила для той

¹ В данном случае предположения и вероятности приобретают силу полного доказательства (*лат.*). — *Примеч. ред.*

эпохи граница правдоподобия в этой области, о том дают нам точные сведения сохранившиеся во множестве протоколы судебных следствий по ведовским делам. «Дурно ославленная старуха, поссорившись с соседом, посулила ему, что так ему это не пройдет, и у соседа вскоре пала скотина» — достаточный повод для возбуждения против старухи судебного преследования. «Две дурно ославленные старухи после сильного градобития между собою толковали: „Да это, может, еще не последний град; может, будет и еще хуже“» — следователь считает необходимым заключить старух в тюрьму. «Оговоренная женщина дала одному мужику поесть пирога, и у того от ее пирога заболел живот. Другой мужик ее мешком вздумал было подбить себе штаны и вскоре повредил себе коленку. У третьего после ссоры с ней заболел вол» — стечение такого рода обстоятельств делает для суда вину более чем правдоподобною. Примеры эти, взятые из сотен, и представляют собой самые заурядные поводы к началу ведовских процессов.

Не следует, конечно, думать, чтобы и в те времена всякий подобный оговор немедленно признавался достаточным поводом для поднятия судебного дела. В спокойные годы, когда бред ведьмами лишь тлел под пеплом, суды нередко оставляли такие жалобы без всякого внимания, и в хрониках нам сохранились даже примеры того, как власти вырывали из рук толпы несчастных, над которыми она из-за подобных подозрений готова уже была учинить варварскую расправу. Но стоило только страху пред ведьмами раз

вспыхнуть в данной местности сильнее, и те же самые суды оказывались способны придавать полный вес таким же и даже еще менее осязательным уликам. В качестве характерного образчика я приведу историю возникновения одного очень крупного процесса, который на исходе XVI века настолько прославил «юстицию» баварского округа Шонгау, что ее служители предлагали даже правительству увековечить память об этом постановкой в самом Шонгау или в его окрестностях высеченной из камня колонны.

У крепостного мужика Штейнгаденского монастыря, лежавшего в соседстве с Шонгау, в доме случилось сразу два несчастья — умер ребенок и тут же подошла свинья. Подозревая, что вышло это неспроста, мужик пошел в соседнее местечко Кауфбейрен, чтобы посоветоваться с тамошним палачом. Надо заметить, что, по всеобщему убеждению того времени, никто не мог так хорошо распознавать ведьм, как палачи, которым случалось неоднократно их пытаться. Вернувшись после разговора с палачом домой, мужик подал в суд жалобу на одну из крестьянок, некую Гейгер, обвиняя ее в том, что это она своими чарами извела у него младенца и скотину. Судья арестовал было оговоренную женщину, но, нашедши обвинение недостаточно доказанным, вскоре опять отпустил ее на свободу, и после этого двенадцать лет в округе не было никаких толков о ведьмах. Но в 1587 году на ту же Гейгер была подана новая жалоба — на этот раз со стороны местного живодера, который обвинял ее, что она извела у него двух коней, — и Гейгер снова была

взята в тюрьму. При этом судья впал в колебание. Сам он был склонен теперь начать процесс, но очень влиятельное в округе лицо, штейнгаденский прелат, усиленно советовал ему опять направить дело к прекращению. Тогда судья «переслал акты» в Мюнхен Придворному совету и получил оттуда такое указание: «оговоренную женщину следует попытать, но не накрепко». Вопреки общему правилу, подсудимая устояла против пытки и была снова выпущена на свободу. Но дело это взволновало всю округу, и отовсюду стали слышаться голоса, что если скотские падежи так донимают народ, то виновата в этом «все более и более распространяющаяся ужасная и гнусная язва ведовства». Так как подобные толки шли не прекращаясь, то в дело вмешался наконец сам герцог Фердинанд, к владениям которого принадлежало Шонгау. По его приказанию в 1589 году наряжен был строжайший сыск о ведьмах — и ведьмы отыскиались в великом множестве. Три года у суда в Шонгау не было досуга для разбора всех прочих дел, и наконец больше шести десятков подсудимых отправлены были на костер. При этом свидетельские показания отнюдь не отличались какой-нибудь особой убедительностью. «Старуха такая-то замечена в том, что подбирала конский помет — наверное, чтобы околдовать хозяина этого коня». «Старуху такую-то соседи видели во время сильной грозы стоявшей у себя на дворе» и т. д., и т. д. Однако если раньше суд в подобных случаях был еще способен колебаться, то теперь за всеми этими показаниями признавалась полная убе-

дительность. Надо заметить, что ради осторожности герцог пересылал все акты на рассмотрение Ингольштадтского юридического факультета, и тот нашел, что дело по всем пунктам было проведено совершенно правильно.

Чтобы дать почувствовать, какая атмосфера водворялась в тех местностях, где шел подобный сыск о ведьмах, я приведу еще один отрывок из подлинных следственных актов. Баварское местечко Вемдинг в начале XVII столетия оказалось очень неблагоприятно в отношении ведовства. В 1609 году стараниями юстиции оно раз было уже очищено от ведьм и ведунов; но к 1630 году обыватели снова не знали, куда от них деваться. Тогда высшие власти отправили в Вемдинг особого комиссара, чтобы произвести на этот счет подробное дознание. Комиссар Шмид привел к присяге и допросил по этому поводу целых семьдесят пять свидетелей, и у всех почти нашлось, что ему порассказать. Такого-то соседа обыватели заподозревали в сношениях с нечистым потому, что у него «уж очень подходящий для этого цвет лица»; другого потому, что он все ходит скучный; третьего потому, что у него в доме постоянно случаются несчастия и дети хворают какими-то странными болезнями; четвертого, напротив, потому, что все ему уж чересчур удастся и он богатеет, тогда как другие люди так же работают, а ничего нажить не могут. В одной женщине отмечали как очень подозрительную вещь, что прежде она была веселого нрава, а после казни одной ее приятельницы, сожженной за ведов-

ство, она сразу совсем притихла; в другой — что она приходит в ужас, когда ребята на улице показывают на нее пальцами. Один вводил своих соседей в соблазн тем, что никогда в жизни не носил четок; другой, напротив, казался подозрительным, несмотря на то что он очень прилежно посещал церковь: «кабы в церкви было дело! в церковь-то ходят все ведьмы». Про одного соседа следователю передавали, как он раз оттрепал мальчишку и тот сейчас же начал тяжело хворать. Про одну соседку рассказывали, что она от четырех дрянных коровенок ухитряется делать необыкновенные скопы масла, каких спроста не сделаешь ни под каким видом. И все подобные деревенские рассказы следователи заносили в свои протоколы с примерной тщательностью и с полным убеждением в важности собираемого таким путем судебного материала. И население, откуда шли такие оговоры, тоже не сомневалось, что со следственными расспросами по этим делам отнюдь нельзя шутить. Усердно занимаясь доносами на соседей, оно все поголовно жило в такое время под гнетом страха, который живо изображается нам в одном современном гонениям на ведьм «листке»: «Во многих местах дело дошло до того, что богобоязненные христиане перестают ходить на богослужение, прячут свои четки и всячески остерегаются проявлять свое благочестие, чтобы не показаться набожнее других, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвинение в ведовстве. Дьявол, так говорит невежественная, грубая толпа, учит своих подручных и приятельниц, чтобы они казались

благочестивыми, принимали причастие, а потом прятали гостию за пазуху и всячески ее оскверняли. Он будто бы их учит, чтобы они ходили в церковь, но за обедней и за проповедью говорили про себя: поп, ты лжешь; все, что ты делаешь и говоришь, все ложь, ибо нет бога, кроме моего бога сатаны. И в некоторых местах сами священники не смеют совершать таинство Пресуществления каждый день. Если же они это и делают, то потихоньку, так как иначе их тоже легко заподозрят в ведовстве. Нет бреда злее и нет бреда распространеннее и позорнее, чем этот бред ведьмами, чем этот страх и трепет перед ними».

Итак, коротко говоря, если в периоды затишья такого бреда суд не оказывался совсем глух к голосу здравого смысла, то, раз страх перед ведьмами почему бы то ни было разгорался, в тюрьму по обвинению в ведовстве могло привести человека решительно все. В такую пору надобно было стараться об одном — чтобы ничем не привлекать на себя внимания соседей, иначе ничего не стоило быть взятым на допрос. Причины же панического страха при мысли о такой возможности станут нам ясны, когда мы познакомимся с тем, в чем заключалась сущность обвинения в ведовстве и в каких формах шел «ведовской процесс».

Чтобы получить ответ на первый из поставленных нами вопросов, довольно взять в руки любое из тех официальных «Наставлений к допросу ведьм», которыми заботливо были снабжены в XVI и XVII веках суды различных германских государств. Одно из них, входящее в состав баденского «Земского уложения»

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СПЕРАНСКИЙ
ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСТВО

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.06.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 21,56. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

У-МТН-42287-01-R